

лиа умяти значение события оказываются тщетными, подобная манифестация возбуждаютъ въ немъ чувство дружбы, связывающей обѣ нации, интересы которыхъ нигдѣ не сталкиваются и которымъ приходится страдать отъ однихъ и тѣхъ-же честолюбивъ и несправедливости.

Данное петербургскими газетами извѣстие о возвращеніи еваторійскихъ хоругвий, о которомъ въ Парижѣ ничего не извѣстно, вѣрно, но преждевременно.

ТИФЛИССКАЯ ЖИЗНЬ.

По распоряженію учебного начальства, въ 15-го іюля, 50-ти-лѣтняя годовщина памяти М. Ю. Лермонтова въ тифлисскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по случаю канікулярнаго времени, будетъ праздноваться въ началѣ сентября мѣсяца, т. е. послѣ каникулъ. Въ 1-й и 2-й классическихъ гимназіяхъ и въ реальномъ училищѣ уже дѣлаются приготовления для празднованія означеннаго юбилея.

Намъ доставлены двѣ грузинскія брошюры, изданныя редакціей сельскохозяйственной газеты «Мурна»; одна изъ нихъ озаглавлена «Общее земледѣліе», другая — «Общая зоотехнія или разведеніе скота и уходъ за нимъ». Авторъ обѣихъ брошюръ — г. М. Зааишвили. Обѣ книги, въ которыхъ сообщается много практическихъ свѣдѣній, несомнѣнно принесутъ пользу тѣмъ сельскимъ хозяевамъ — грузинамъ, которые не имѣютъ возможности пользоваться руководствами на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Брошюры изданы очень опротно и стоятъ: одна 20 к., другая 25 к.

Несмотря на довольно высокую таксу на мясо, въ последнее время на тифлисскомъ рынкѣ притягивается весьма ограниченное количество крупнаго и мелкаго скота. Бываютъ дни, когда на нашихъ рынкахъ перебываетъ всего до 20 шт. крупнаго скота, тогда какъ при болѣе низкой таксѣ въ это время ихъ пригонялось 50 и болѣе штукъ въ день. Объясняется это уменьшеніемъ пригона скота стачкой, въ которую вступили тифлисскіе перекупщики съ началомъ дѣйствія новой торгово-хозяйственной полиціи и съ думской исполнительныя комиссіи по опредѣленію таксы на мясо. Перекупщики въ послѣдніе дни стали переселяться изъ города въ окрестности и живутъ теперь въблизи трактовъ, ведущихъ къ Тифлису. Тамъ они закупаютъ гурты скота, направляющіеся на продажу въ городъ, такъ что на нашъ рынокъ попадаетъ еле 1/6 всего количества, 5/6 же они перепродаютъ мясникамъ на дорогахъ-же. Вслѣдствіе ограни-

чимъ ударомъ Калашникова, а съ ней и 2-й актъ драмы. Но при этой драмѣ есть и зрители, да еще какіе: самъ земной судья, грозный царь Иванъ Васильевичъ!

Смутно догадывается Грозный, что предъ нимъ развалился не одинъ изъ безчисленныхъ исходовъ кровавой дикой потѣхи, а нѣчто другое, уже преступное, съ точки зрѣнія тогдашней житейской морали. Купецъ Калашниковъ, опираясь на эти случаи, легко могъ-бы избѣжать наказанія... Но происходитъ нѣчто особенное, изъ ряда выдающихся: тайный преступникъ выдаетъ себя головой. Это третій актъ окончательнаго смиренія гордаго человѣка. Свообразно, въ силу варварскихъ понятій, упорно державшихся въ чужбѣ, къ сожалѣнію, и по сей день, возстановивъ погубленную честь семьи, Калашниковъ нарушилъ, однако, тѣмъ великую заповѣдь Господню «не убій», за что и долженъ нести наказаніе предъ своей совѣстью, истиннымъ судомъ Божиимъ, а не предъ судомъ земного судьи, царя Грознаго, который и не властенъ въ такихъ дѣлахъ. Это-то и побуждаетъ Калашникова сказать Грозному:

«Я скажу тебѣ, православный царь: Я убилъ его вольной волей, А за что, про что — не скажу тебѣ, Скажу только Богу единому».

Тѣмъ не менѣе, Калашниковъ требуетъ для себя наказанія. Страніе теперь необходимо ему главнымъ образомъ для нравственнаго очищенія, ибо «въ страданіи, — по выраженію Шиллера, — земное очищеніе; смиренный здѣсь — возвышенъ будетъ тамъ». («Орлеанъ Дѣва»). Мы съ умысломъ останавливаемся на этомъ выраженіи Шиллера, ибо, какъ видите, взглядъ Лермонтова на страданіе сближается со взглядомъ одного изъ выдающихся романтиковъ, къ которымъ, нѣсколько расширяя замѣчаніе профессора Стоженина⁴⁾, Лермонтовъ по природѣ своей стоялъ ближе, нежели къ Байрону. Важно, конечно, при этомъ то, что Лермонтовъ вадомъ до Достоевскаго предугадывалъ эту существенную сторону характера просто-го богобоязненнаго и неспорченнаго русскаго человѣка. Такова, въ обихъ чертахъ, религія тѣхъ лицъ поэзіи Лермонтова, о которыхъ нельзя сказать, подобно Пышину, что они «лица теоретиче-

скаго количества скота, у насъ стоятъ высокія цѣны на мясо, по которымъ и приходится комиссіи дѣлать вычисления при опредѣленіи таксы. Для устранения такой искусственной дороговизны мяса, городская управа обратилась къ уѣздному начальнику съ просьбою распорядиться, чтобы чапары на саганульскомъ, ерховскомъ и микетскомъ трактахъ не позволяли перекупщикамъ закупать скотъ и чтобы скотъ безпрепятственно направлялся прямо въ Тифлисъ.

На-дняхъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, г. и. д. тифлисскаго полиціе-мейстера изданъ былъ по полиціи приказъ, которымъ вѣнялось полиціеискусичинамъ въ обязанность сдѣлать за тѣмъ, чтобы въ вагонахъ кони не допускались болѣе 24-хъ пассажировъ. Распоряженіе это уже исполняется, причемъ кондуктора, вслѣдствіе данной имъ инструкціи, предлагаютъ лишнимъ пассажирамъ сойти съ вагона, въ противномъ случаѣ призывается въ вагонъ городской, при помощи котораго порядкомъ водворятся. Но дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, отъ разносторонней пользующейся услугами конки публики, не обходится безъ недоразумѣній и столкновений, сопровождающихся даже драками. Столкновения эти неизбѣжны отчасти въ виду того, что сами кондуктора, видимо, не вполне основательно съ новымъ порядкомъ. Такъ, полагаемъ, что чины полиціи, на улицѣ всегда находящіеся при исполненіи служебныхъ обязанностей и пользующіеся даровымъ проездомъ, не должны-бы подходить подъ общее правило; если имъ нужно куда-нибудь сѣсть въ экстренномъ дѣлѣ, то кондукторъ едва-ли имѣетъ право не пускать ихъ въ вагонъ. Между тѣмъ, такой случай былъ на-дняхъ на Солдатскомъ базарѣ. Въ вагонѣ сидѣло 24 человѣка; околотовичъ 3-го участка сталъ на площадку, но кондукторъ хотѣлъ его ссадить; околотовичъ не уступилъ и добѣжалъ до конца. Кондукторъ спросилъ фамилію околотовича и заявилъ ему, что показуется на него. Затѣмъ, въ вагонахъ устроены дочечки съ надписью: «нѣтъ мѣста», которыми выставляются съ наружной стороны вагоновъ, въ случаѣ переполненія посадочнаго. Но дѣло въ томъ, что кондуктора очень часто забываютъ опускать эти дочечки; кроме того, подъ вечеръ съ улицъ не видно маленькой дочечки, которую слѣдовало-бы замѣнить краснымъ флажкомъ или другимъ сигналомъ, болѣе бросающимся въ глаза.

ПРИСЯГА НА СУДѢ.

Газета «Мшакъ» въ № 74 трактуетъ о томъ: на какомъ языкѣ слѣдуетъ приводить на судѣ къ присягѣ свидѣтеля армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія — на русскомъ или армянскомъ. Газета высказывается въ пользу армянскаго языка. Конечно, каждый согласенъ съ тѣмъ, что если свидѣтель не знаетъ по-русски, то долженъ присягать на языкѣ ему извѣстномъ. Отъ свидѣтеля не требуется

изученія русскаго языка ни для принятія присяги, ни для дачи показанія. И то и другое онъ дѣлаетъ на томъ языкѣ, которымъ владѣетъ. Но вопросъ въ томъ: которому языку слѣдуетъ отдать предпочтеніе, армянскому или русскому, когда свидѣтель владѣетъ обоими языками? Этотъ именно вопросъ разсматривается въ «Мшакѣ». Хотя авторъ статьи и подкрѣпляетъ свое рѣшеніе закономъ и хотя онъ, повидимому, считаетъ его бесспорнымъ, тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ высказать наши сомнѣнія относительно правильности рѣшенія вопроса и, во всякомъ случаѣ, утверждаемъ, что дѣйствующіе законы не даютъ прямого отбѣта на поставленный вопросъ.

Ст. 711 устава уголовнаго судопроизводства говоритъ лишь то, что каждый присягаетъ по обряду своего вѣроисповѣданія. Но г. Арцруни, авторъ разсматриваемой статьи газеты «Мшакъ», ссылается на эту статью, говоритъ, будто обрядъ армяно-григоріанской вѣры требуетъ приведенія къ присягѣ свидѣтеля на армянскомъ языкѣ, такъ какъ «армянскій языкъ неразрывенъ отъ обрядовъ армянской церкви; а всѣ эти обряды совершаются на армянскомъ, но не на русскомъ языкѣ». Мы получаемъ цѣлымъ рядомъ переводовъ статьи г. Арцруни, помѣщенными и въ «Новомъ Обзорѣ» (№ 2592), и въ «Тифлисскомъ Листѣ» (№ 154), разсматриваемъ въ нихъ юридическія соображенія автора и, къ удивленію, никакихъ другихъ доводовъ не находимъ. Однако, ссылаясь на ст. 711 ст. устава угол. суд. насъ не убѣждаетъ.

Г. Арцруни задаетъ вопросъ: на основаніи какого закона можно утверждать противное его взгляду? Не находя такого закона, онъ считаетъ свой тезисъ доказаннымъ. Но и мы, въ свою очередь, могли-бы задать автору статьи подобный вопросъ и сказать, что такъ какъ ст. 711 устава допускаетъ споръ, то мы предпочитаемъ разойтись съ г. Арцруни во взглядахъ. Однако, цѣль нашего разсужденія не въ томъ, чтобы выставить себя принадлежащимъ къ послѣдователямъ того или другого взгляда на поднятый вопросъ, но въ томъ, чтобы, по возможности, выяснить его юридическую сторону.

Авторъ разсматриваемой статьи, удивительно-искусно на ст. 711, совершенно устраняетъ юридическія сужденія и старается свести обсужденіе вопроса исключительно на религіозную точку зрѣнія. Вслѣдствіе этого его рѣшеніе и кратко: армянскій языкъ неразрывенъ отъ обрядовъ армянской церкви, а присяга есть одинъ изъ религіозныхъ обрядовъ, — слѣдовательно, говоритъ г. Арцруни, присяга должна произноситься на армянскомъ языкѣ, т. е. доказано то, что и требовало доказать. Нѣтъ, скажемъ мы, ничего не доказано и передъ каждымъ словомъ г. Арцруни мы ставимъ и вопросительные и восклицательные знаки. Откуда дѣлаетъ г. Арцруни такой послѣдній выводъ, утверждая, будто армянскій языкъ неразрывенъ отъ обрядовъ армянской церкви и религіи. Неужели это положеніе есть аксіома, не требующая доказательствъ? Дерзнемъ замѣтить,

что существуютъ-же такіе церковные и религіозные обряды, которые совершаются безъ всякаго произнесенія какихъ-либо словъ. Мы крестимся, прикладываясь ко кресту и къ евангелію; и то и другое составляетъ извѣстный религіозный обрядъ, совсѣмъ не имѣющій неразрывной связи со словомъ. Подобные обряды совершаются и молча. Но, допуская даже связь между церковными и религіозными обрядами и языкомъ, мы, тѣмъ не менѣе, не находимъ слова г. Арцруни убѣдительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: и богослуженіе православныхъ идетъ на славянскомъ языкѣ, и всѣ церковные обряды совершаются на этомъ языкѣ, а между тѣмъ, мы, православные, принимаемъ присягу на русскомъ. И что-жъ! Слѣдуя взглядамъ г. Арцруни, намъ и нашимъ священникамъ слѣдовало-бы протестовать противъ такого порядка. Но мы не соблазнуемъ и не протестуемъ и полагаемъ, что свято присяги не страдаетъ отъ этого обстоятельство. Отчего-же г. Арцруни полагаетъ, что принятіе армяно-григоріанцами присяги на русскомъ языкѣ равносильно разномыслию клятвенному?

Г. Арцруни далѣе говоритъ: «Въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ ни гражданскаго брака, ни гражданскихъ крестинъ, ни гражданскихъ похоронъ, — слѣдовательно, нѣтъ также и гражданской присяги». Но что общего, напр., между гражданскимъ бракомъ и присягой? Откуда мы можемъ усматривать такую неразрывную связь между тѣмъ и другимъ, на основаніи которой позволительно было-бы утверждать, будто если у насъ нѣтъ гражданскаго брака, то и нѣтъ гражданской присяги? Полагаемъ, что церковный бракъ совсѣмъ не препятствуетъ установленію гражданской присяги. Бракъ, по ученію нашей церкви, есть таинство, а присяга — нѣтъ.

Мы именно утверждаемъ противное тому, что говоритъ г. Арцруни. Мы полагаемъ, что судебная присяга есть не преимущественно гражданскій актъ. Сущность судебной присяги свидѣтеля заключается въ торжественномъ обещаніи о показаніи суду правду, подъ опасеніемъ двойной отвѣтственности: передъ Богомъ и передъ закономъ. Отсюда вытекаетъ двойственный характеръ присяги. Но при этомъ важно замѣтить, что судебная присяга установлена не религіею, но гражданскимъ закономъ, который имѣетъ цѣлью лишь увеличить гарантію въ вѣрности показанія свидѣтеля на судѣ. Присяга предуслѣдуетъ цѣли правосудія. Хотя формула присяги и согласуется съ догматами религіи и обычаями вѣроисповѣданія, хотя клятвенное обещаніе есть таинство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, присяга выражаетъ торжественное обещаніе показать на судѣ одну правду, а отвѣтственность за ложное показаніе одинакова и для того, кто принимаетъ присягу, и для того, кто не принимаетъ ея на томъ основаніи, что, по званію своему, или вѣроисповѣданію или вообще по закону, имѣетъ право дѣлать свидѣльскія показанія безъ присяги (ст. 942 уложенія о наказаніяхъ); мало того: на осно-

ваніи ст. 715 уст. уголовнаго суд., предсѣдатель суда, за отсутствіемъ священника, можетъ самъ привести свидѣтеля-ино-вѣрца къ присягѣ. Но развѣ эти указанія не свидѣтельствуютъ о преобладающей гражданскаго характера въ судебной присягѣ?

Если мы обратимся къ судебной практикѣ, то усмотримъ, что обрядная сторона присяги имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Если свидѣтель, принимая присягу, не приложился ко кресту или къ евангелію, если онъ не произнесъ слово «клянусь» или не перекрестился, то, все-таки, всѣ эти отступленія отъ обрядовъ присяги не освобождаютъ его отъ строгой отвѣтственности, установленной за ложное показаніе, данное на судѣ подъ присягой. Но г. Арцруни полагаетъ иначе. Г. Арцруни начинаетъ свою статью съ того, что присяга есть религіозный актъ, вытекающій изъ глубокаго религіознаго чувства человѣка, основаннаго на томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что, только присягая по обряду своего вѣроисповѣданія, человекъ обязанъ, какъ свидѣтель, показать всю правду и не можетъ дать ложнаго свидѣтельства. Нѣтъ, мы непоколебимо убѣждены въ томъ, что въ словахъ г. Арцруни замѣчается крупнѣйшая ересь. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ужъ только подъ присягой по обряду армяно-григоріанской церкви, и при томъ данной на армянскомъ языкѣ, армяно-григоріанцы не могутъ солгать? Развѣ нравственный уровень развитія армянина такъ ничтоженъ, что только религіозное чувство, да при томъ съ необходимыми дополненіемъ всѣхъ обрядовъ присяги, можетъ воздержатъ его отъ лжи? Нѣтъ, мы позволяемъ себѣ заступиться за армянъ. Мы не согласны съ обвиненіемъ г. Арцруни. Думаемъ, что армянамъ одинаково открыты путь къ нравственному развитію, какъ и всѣмъ православнымъ русскимъ гражданамъ; также думаемъ, что не одно религіозное чувство служитъ извѣстной гарантіей въ вѣрности показанія свидѣтеля; долгъ нравственности и строгая отвѣтственность за ложное показаніе служатъ большою гарантіей.

Г. Арцруни говоритъ, что ему извѣстны случаи изъ судебной практики, когда, по приведенію къ присягѣ, свидѣтель сознательно передъ предсѣдателемъ, что въ показаніи, данномъ безъ присяги, онъ вралъ, но теперь, присягнувъ, говоритъ свидѣтель, «я уже говорю не передъ людьми, но передъ Богомъ». Вотъ, восклицаетъ г. Арцруни, — характерная черта для истинно-вѣрующаго человѣка: «я присягнулъ, слѣдовательно, долженъ говорить правду».

И подобный аргументъ, восклицаемъ мы въ свою очередь, выставляется г. Арцруни въ доказательство необходимости приводить къ присягѣ армяно-григоріанца на армянскомъ языкѣ, когда онъ прекрасно знаетъ русскій языкъ и когда текстъ армянской присяги есть переводъ съ русскаго!

Но если г. Арцруни отстаиваетъ въ присягѣ армянскій языкъ для спасенія

суда отъ такихъ жупеловъ, которые вѣшаютъ передъ людьми правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ, знаютъ русскій языкъ, то стоить чистю на практической точкѣ зрѣнія, мы думаемъ, что армяне, по своимъ жупеламъ, надобно изъясняться русскимъ законоположеніемъ, указывающимъ на «таинственный актъ» въ показаніи на судѣ.

Итакъ, аргументы г. Арцруни даны намъ совсѣмъ не убѣдительны, и мы полагаемъ, что судебная присяга есть въ преимуществѣ актъ гражданскій. Отсюда-же мы видимъ то, что исполнѣтельно требовать, чтобы каждый свидѣтель изъ армяно-григоріанъ, владѣющій русскимъ языкомъ, не требующій перевода, произносилъ присягу по русски и чтобы священникъ, приводящій къ присягѣ, дѣлалъ также все убѣдительно-по-русски. Судебная присяга, какъ гражданскій актъ по преимуществу, также подлежитъ судебному контролю. Въ судебной практикѣ встрѣчались, напримѣръ, случаи, когда предсѣдатель суда приходилось останавливать священника, оброчавшагося къ свидѣтелямъ, при убоищаніи о святости присяги, съ неумѣстными словами. Одно изъ подобныхъ дѣлъ доходило до сената, и если правительственный сенатъ призналъ оспариваемую присягу закономъ, то потому что священникъ былъ останавливалъ предсѣдателемъ суда, который вмѣстѣ съ тѣмъ внушилъ свидѣтелямъ, что имени они должны игнорировать изъ словъ священника (рѣш. 1870 г., № 144).

Здѣсь, на Кавказѣ, мы уже нѣсколько свѣдѣли съ необходимостью имѣть въ судѣ постоянное дѣло съ переводчиками. Но, понятно, это не въ интересахъ правосудія, и думаемъ, что каждый армянинъ, грузинъ, татаринъ, заинтересованный въ судебномъ процессѣ, весьма печалуются, если не знаютъ русскаго языка и вынуждены объясняться на своемъ языкѣ. Нѣтъ также основанія предполагать, чтобы и свидѣтели имѣли причину жаловаться на русскій языкъ на судѣ какъ при показаніи, такъ и при присягѣ. Вѣдь, не можетъ-же, напр., свидѣтель армянинъ желать произнести присягу на армянскомъ языкѣ на томъ основаніи, что онъ хотѣлъ говорить передъ Богомъ, но не передъ людьми, и что если приметъ присягу по-русски, то будетъ говорить передъ людьми и будетъ врать! А если это предположеніе неумѣстно, то, спрашиваемъ, почему-же свидѣтель армяно-григоріанецъ можетъ не пожелать принять присягу по-русски, когда такая присяга считается вполнѣ законною?

Н. Токаревъ.

КАВКАЗСКАЯ ЖИЗНЬ.

Изъ Карае намъ пишутъ: Въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ Закавказскомъ краѣ все болѣе и болѣе усиливается контрабандная торговля чаемъ. Какъ наша пограничная стража, такъ и полиція нѣредко обнаруживаютъ цѣлыя партіи чая или вовсе не обандероленнаго, или же имѣющаго на себѣ подложныя

всего этого и глубоко страдалъ, глубоко главнымъ образомъ потому, что все же любилъ свою бабу, какъ личность, замѣнявшую вполнѣ ему мать. Посмотрите, какъ трогательно прощается ей Лермонтовъ всѣхъ перебрѣяній въ отношеніи отца (см. стихотв.). «Ужасная судьба отца и сына»), и вы поймете тогда, каковы въ сущности любящимъ сердцемъ, въ тайникахъ природы своей, обладалъ Лермонтовъ! Обвиняютъ Мартынова въ томъ, что онъ не пожалѣлъ великаго поэта земли русской, а жалѣли ли поэта люди близкіе и дома, въ кругу родномъ, и на школьной скамьѣ. Трагизмъ положенія Лермонтова въ мірѣ и заключался въ томъ, что его почти никто не понималъ и не жалѣлъ. «Такъ чувства лучшихъ моихъ навѣкъ обману ты тобою», говоритъ юноша-поэтъ пѣжно любимой имъ, но не понимавшей поэта гр. Хвостовой («У вратъ обители святой»). Такъ не понималъ поэта въ университетѣ товарищи, когда не сумѣли привлечь на свою сторону чуждавшихся людей Лермонтова. Такъ не понимали его и сослуживцы.

Лермонтовъ, такимъ образомъ, страдалъ глубоко на землѣ и утѣчалъ себя лишь тѣмъ, что тамъ, не въ могилѣ, гдѣ, по выраженію Мнцырь, «страданіе только спитъ», а въ чудномъ звѣздномъ мірѣ царитъ полная гармонія.

Чѣмъ ты несчастливъ? — Сказалъ мнѣ люди. Тѣмъ я несчастливъ, Добрые люди, что звѣзды и небо — Звѣзды и небо! — а я человекъ!... Люди другъ къ другу Зависть питаютъ: Я-же, напротивъ, Только завидую дѣдамъ прекраснымъ, Только изъ мнѣсто занятъ-бы хотѣлъ («Небо и звѣзды»).

Тѣмъ не менѣе, этого безмысленнаго страданія Лермонтовъ, въ общемъ, не выносилъ, какъ позже не выносилъ и Достоевскій, въ лицѣ Ивана Карамазова, и только признавалъ «самый фактъ». Рисуя всѣ эти страданія, Лермонтовъ какъ-бы хотѣлъ сказать то-же, что и Иванъ Карамазовъ: «Я ничего не понимаю... Я и не хочу теперь понимать. Я хочу оставаться при фактѣ»¹²⁾. Не выносивъ страданій, Лермонтовъ, однако, жаловалъ ихъ. «Не хочу гармоніи, какъ-бы говорить поэтъ въ стихотвореніи «Парусъ», поемахъ «Демонъ», «Мцырь»,

Поразительно сходство мыслей у Лермонтова и Достоевскаго по этому поводу, и стоять на нихъ остановиться, дабы показать, насколько упредилъ Лермонтовъ Достоевскаго по вопросу о природѣ человека⁹⁾. Какъ извѣстно, Лермонтовъ презиралъ людей за пустоту душевную, отсутствіе идеаловъ и возвышенныхъ страстей, за ихъ мелочность, близорукость и безплодную дѣятельность, за постоянную, наконецъ, и безграничную вражду между собой, въ которой нѣтъ смысла, ни цѣли, а просто видна жестокость злого человѣка. Вотъ эту-то жестокость людей болѣе всего и ненавидѣлъ Лермонтовъ. Она рисовалась ему и въ грандіозной картинѣ бы културнаго человѣка съ дикими горцами («Иамаль-Бей», «Валерикъ», отчасти «Споръ»), и въ ядовитой клеветѣ друзей, «зависти тайной, злобѣ открытой» («Гуляка»), и, наконецъ, въ коварномъ гоненіи молвы, въ томъ гнусномъ гоненіи молвы («Вѣстующей молодости»), которое заставляетъ молодость «за каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновеніе» отплачивать «слезами и тоской» («Отчего»), — словомъ, за удовольствіе мучить другихъ ненавидѣлъ Лермонтовъ, удовольствіе, которымъ такъ смакуетъ Печоринъ. Теперь посмотримъ, что говоритъ Достоевскій устами Ивана Карамазова:

«Считается необходимымъ, однако, оговориться: ни дѣлки отъ мысли, чтобы Достоевскій цѣлкомъ могъ замѣстовать у Лермонтова повѣстную долю своего міросозерцанія, но что онъ тяготѣлъ къ этому міросозерцанію, въ высшей степени, пережить его въ лицѣ Ивана Карамазова, что, словомъ, онъ былъ продолжателемъ въ этомъ направленіи Лермонтова — на это навѣдетъ насъ, какъ видите, читатель, ближайшее разсмотрѣніе взглядовъ того и другого. Самъ Достоевскій, какъ уже было указано нами выше, слѣдуетъ удареніе въ положительномъ смыслѣ на тѣхъ произведеніяхъ Лермонтова, кои были бы по духу его взгляду на народъ, и тѣмъ самымъ косвенно указалъ, что онъ былъ не только послѣдователемъ Пушкина, романскаго ученика теоріи, примѣняемыхъ къ русскому народу, но и Лермонтова, ближайшаго ученика Пушкина. А если Достоевскій не высказался болѣе опредѣленно, то отчасти по указаннымъ нами причинамъ, а отчасти, что всего вѣроятнѣе, по скромности, присущей всѣмъ нашимъ лучшимъ писателямъ, иными словами Пушкина, скромности, которой они научались у него. Извѣстны, напримѣръ, факты относительно Тургенева, какъ послѣдній на конгрессѣ писателей въ Парижѣ не упоминалъ, перечисляя выдающихся русскихъ писателей, своего имени, и только слушатели позволяли себѣ называть громко и имя Тургенева».

«Я никогда не могъ понять (Достоевскій, конечно, понималъ въспослѣдствіи, когда оторвался отъ сомнѣній въ духѣ Лермонтова), какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно близость, но не могомъ, и невозможно любить, а развѣ лишь дальность... Выражаются иногда про звѣрскую жестокость человѣка, но это страшно несправедливо и обидно для звѣрей: звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ, какъ человекъ, такъ артистически, такъ художественно жестоко. Тигръ просто грызетъ, рветъ, и только это и убиваетъ»¹⁰⁾; человекъ-же, по Достоевскому, выражается словами Розанова, «въ жестокость свою влагаетъ какую-то утонченность, тайное и наслаждающееся злорадство»¹¹⁾. Это «утонченное, тайное и наслаждающееся злорадство» жестокаго человѣка Лермонтовъ задолго до Достоевскаго превосходно описывалъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ и, видимо, былъ подавленъ имъ, когда пришелъ къ своему мрачному и не оправданному, съ точки зрѣнія строгой христіанской морали, взгляду на человека. Такова, напримѣръ, жестокость монаховъ, жившихъ бѣдно, заброшенною судьбой ребенка — Мцыря кроваваго родительскаго, «священнаго и сладостнаго» именъ отца и матери и даже правъ молодости, на что никто и никогда не долженъ посылать. Такова, по истинѣ, хуже чѣмъ звѣрская жестокость Орши надъ своей дочерью и таково утонченное злорадство его-же надъ Арсеніемъ: «Скажи скорѣй въ мой старый домъ, Тамъ дочь моя; ни ночь, ни день Не ѣсть, не спать: все ждетъ да ждетъ, Покуда милый не придетъ». («Боярин Орша»).

Таковы авантюры съ женщинами Печорина и такъ, наконецъ, утонченнаго жестокаго поступилъ люди съ незабвеннымъ поэтомъ, и притомъ — какіе: родная бабка! Да, бабка Арсеньева, страстно любившая по своему внуку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бесцеремная бабка, искалчившая нравственно глубоко несчастнаго поэта, отравляла душу его, еще ребенка, отчужденіемъ отъ отца. Въ этомъ отношеніи Лермонтовъ былъ несчастный Мцырь, который ребенкомъ не находилъ вокругъ себя «не только мыльных дѣлъ — могилъ». Лермонтовъ не могъ постичь

⁹⁾ Собр. сочинен., изд. 3, т. XI, стр. 407.

¹⁰⁾ Андреевскій. Литер. чтенія. Спб. 1891 г., стр. 222.

¹¹⁾ Ibid., стр. 244.

¹²⁾ Рус. Вѣст. 1891 г., кн. 2, стр. 234.

¹⁰⁾ Соч., т. XII, стр. 274, 276.

¹¹⁾ Рус. Вѣст. 1891 г., кн. 2, стр. 247.

¹²⁾ Собр. соч., т. XII, стр. 282.

⁴⁾ См. «Кавказъ» 1891 г., № 107, стр. 1.

бандероли. Въ виду этого, мѣстной администраціи обращено особенное вниманіе на чайную торговлю. Такъ, на дняхъ всѣмъ окружнымъ начальникамъ предписано имѣть надзоръ за чаоторговцами и слѣдить, чтобы въ продажѣ не обращались необандероленные картусы чая. Въмѣстѣ съ этимъ предписаніемъ разосланъ списокъ чаоторговцевъ, чинъ которыхъ продается подъ казенною бандеролою, подъ правительственнымъ надзоромъ, и образцы казенной бандероли. Среди мѣстныхъ чаоторговцевъ, изъ которыхъ, разумѣется, не всѣ безъ грѣха, распоряженіе это произвело нѣкоторую сенсацию. Нужно замѣтить, что распоряженіе, касающееся чаоторговцевъ, находится въ связи съ общими мѣрами, предпринимаемыми администраціей для повѣрки торговыхъ, промысловыхъ и ремесленныхъ заведеній области. Строгая повѣрка въ этомъ отношеніи необходима, такъ какъ многие изъ нашихъ торговцевъ, особенно въ заходныхъ уголкахъ, не особенно охотны исполнять установленный для правильной торговли порядокъ, который долженъ быть возстановленъ только путемъ строгого со стороны администраціи надзора.

Изъ Кумы въ «Кавк.» сообщаютъ, что въ ночь на 9-го іюля полицейскій приставъ Мушкурского участка Геожжаевъ, при преслѣдованіи шапки разбойниковъ, выстрѣломъ изъ берданки убилъ наповалъ. Изъ сопровождавшихъ пристава всадниковъ одинъ раненъ. Бѣ мѣсту происшествія выѣхали уѣздный начальникъ Стопанскій, прокурорскій надзоръ и слѣдственная власть.

О ходѣ работъ филокерскихъ партій на Кавказѣ.

Кутаисская филокерская партія съ 15-го іюня по 1-е іюля продолжала работы какъ по изслѣдованію виноградниковъ въ филокерскомъ отношеніи, такъ и по лѣченію ихъ отъ филоксеры и грибныхъ болѣзней.

Въ филокерскомъ отношеніи партіею осмотрѣны 15 виноградниковъ въ сел. Квалити, Шорапанского уѣзда, въ которыхъ изслѣдованы корни болѣе чѣмъ у 6,000 кустовъ, причемъ въ двухъ виноградникахъ обнаружена филоксеры, и въ Лечгумскомъ уѣздѣ осмотрѣны всѣ виноградники въ селеніяхъ: Намоховани (40 вин.), Меквени (64 вин.) и Вани (39 вин.), общою площадью около 100 гект.; въ означенныхъ виноградникахъ изслѣдованію подвергнуты были корни у каждой десятой лозы, а всего у 16,600 лозъ, но филокерского зараженія нигдѣ не оказалось. Кромѣ того, въ филокерскомъ отношеніи изслѣдованы 4 виноградника въ сел. Пути, Шорапанского уѣзда, которые минушею осенью подвергнуты были усиленному отравленію сѣрными углеродомъ, съ цѣлью ослабить въ нихъ интенсивность заразы. Во всѣхъ этихъ виноградникахъ найдена филоксеры, хотя главнымъ образомъ въ мѣстахъ, не подвергавшихся отравленію.

устами Печорина, изъ-за любви къ человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неостепенными»¹³⁾. Его Демонъ, умирающій Мцыри именно не Бога отрицаютъ, а мѣръ его не принимаютъ, по крайней мѣрѣ, тотъ, который былъ для нихъ созданъ, какъ не призналъ его и самъ поэтъ, когда называлъ жизнь «пустой и глухой шуткой» («И скучно и грустно»); когда сказалъ:

«Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омовивъ края
Своими-же слезами.
Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадетъ,
И все, что обобщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,
Тогда мы видимъ, что нута
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она—не наша».

(«Чаша жизни»).
Замѣчательно, что тотъ-же Лермонтовъ, упреждая Достоевскаго и въ томъ отношеніи, что подымалъ страсть къ жизни человека, какъ-бы безотрадно она для него ни слогалась, и если его Мцыри, Печоринъ и другіе смерти не боялись, если ихъ «могла не страшить», то все-же эти лица сильно хотѣли жить, какъ хотѣлъ жить и страдалецъ-поэтъ. Да проститъ намъ читатель, если мы по этому поводу позволимъ себѣ еще привести одно мѣсто изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» Достоевскаго. «Не вѣруй и въ жизнь,—говоритъ Ив. Карамазовъ,—разувѣрься въ другой женшинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человеческого разочарованія, а я, все-таки, захочу жить, и ужъ какъ припаду къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осямлю! Впрочемъ, къ тридцати годамъ натурно брошу кубокъ, тотъ и не дошло всего»¹⁴⁾. Последнія слова прямо-таки пророчествомъ назвать къ нашему поету, скончавшемуся именно въ тридцати годахъ, на 27 году жизни.

Такимъ въ общихъ чертахъ Лермонтовъ, какъ предтеча Достоевскаго. Конечно, въ изложеніи мыслей у Лермон-

товъ произведено въ 6 вин. сел. Квалити и въ 4 вин. сел. Свири, причемъ значительная часть этихъ работъ производилась по просьбамъ самихъ садовладѣльцевъ.

Демонстративное лѣченіе виноградниковъ отъ милдіи и оидіума производилось въ селеніяхъ Тола, Хванчаро и Песи, Рачинского уѣзда, и въ сел. Пути, Квалити, Клевети и Гванкиты, Шорапанского. Въ двухъ посѣднихъ селеніяхъ опытные участки взяты изъ опасенія, чтобы среди садовладѣльцевъ не появилась сомнѣнія въ пользѣ лѣченія, такъ какъ многие изъ опрысканныхъ ими самими виноградниковъ, вслѣдствіе неумѣлаго выполненія работы, пораженные болѣзнями въ сильной степени. Одновременно партія во многихъ мѣстахъ руководила работами по лѣченію виноградниковъ, по просьбамъ частныхъ лицъ.

Въ теченіе отчетнаго періода грибныя болѣзни въ Шорапанскомъ и Кутаисскомъ уѣздахъ развились очень сильно, причемъ милдіи появились къ значительному количеству и на плодахъ. Работы партій въ отчетномъ періодѣ сильно мѣшала дождь.

Нахетинская филокерская партія съ 15-го іюня по 1-е іюля осмотрѣла въ филокерскомъ отношеніи въ сел. Курдгелури 128 виноградниковъ, занимающихъ площадь въ 63 десятины, въ которыхъ изслѣдовала корни у 17,500 виноградныхъ лозъ, и въ г. Телавѣ и окрестностяхъ его 76 виноградниковъ въ 33 дес., въ которыхъ изслѣдовала корни около 10,500 лозъ; кромѣ того, ею изслѣдованы въ г. Телавѣ при 46 городскихъ постройкахъ небольшія виноградники и одиночныя лозы, причемъ филоксеры нигдѣ обнаружено не было. По демонстративному лѣченію лозъ отъ милдіи партія приступила во второму опрыскиванію виноградниковъ бордосскою жидкостью въ избранныхъ ею участкахъ и руководила такими-же работами, по просьбамъ частныхъ лицъ, въ сел. Мере, Эрисели, Руистъ-Пири и Шалаури.

Горійско-дзештская филокерская партія въ теченіе того-же періода времени изслѣдовала въ филокерскомъ отношеніи въ сел. Хидисъ-Тави 37 садовъ, площадью 91/2 дес., осмотрѣвъ корни у 6,440 лозъ, въ сел. Руи—85 виноградниковъ, площадью свыше 20 дес., изслѣдовавъ корни у 18,500 лозъ, и въ сел. Авиэви 8 вин. на 2 1/2 дес., изслѣдовавъ 2,700 лозъ, при чемъ филоксеры нигдѣ не оказались.

По лѣченію виноградниковъ на средства казны и по просьбамъ частныхъ лицъ въ с. Хидисъ-Тави и Руи произведены были обильныя сѣрными цвѣтомъ отъ оидіума и дополнительное опрыскиваніе бордосскою жидкостью отъ милдіи. Появленіе оидіума замѣчено пока только въ сел. Хидисъ-Тави и вообще развитіе грибныхъ болѣзней въ мѣстахъ работъ партіи до настоящаго времени весьма слабое; въ общемъ состояніе виноградниковъ очень хорошее и ожидается обильный урожай винограда.

тогда нѣтъ той послѣдовательности, глубокомыслия, коимъ, кстати сказать, поминаемый поэтъ нашъ никогда, по молодости лѣтъ своихъ, не отличался, по тѣмъ же менѣе, Лермонтовъ пытался выразить ихъ, хотя и въ формахъ зачатую гиперболическихъ и фантастическихъ, но все-же высоко-поэтическихъ. Справедливо также, что, въ сущности, въ противность Достоевскому, сомнѣніе никогда не покидало Лермонтова, на что онъ самъ указываетъ въ стихотвореніи «Въ минуту жизни трудную»¹⁵⁾, да и мало онъ прожилъ, чтобы въ своемъ исканіи вѣры могъ остановиться на какомъ-нибудь положительномъ выводѣ. Онъ только переживалъ этотъ періодъ, и притомъ въ сравнительно раннюю пору жизни, когда, казалось-бы, жизненные удовольствія и страсти должны были разсѣять сомнѣніе. Не нужно строго судить поэту за такое сомнѣніе дорогого поэта, а помнить, что поэту временами возможно было и «счастье постигнуть на землѣ и въ небесахъ видѣть Бога», милосерднаго, сострадательнаго къ человѣческимъ заблужденіямъ, того Бога, къ которому поэтъ однажды обратился съ такой трогательной молитвой:

«Не обвиняй меня, Всевсильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильной
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдо въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя;
За то, что въ заблужденіи бродить
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вхожденія
Возкохнетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что мѣръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ-жъ проникаю я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсень
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень—
Всесожигающій костеръ,
Преобрази мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды вхожденія
Пускай, Творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенія
Къ Тебѣ я снова обращусь» (Молитва).

Рядомъ съ чувствомъ религиознымъ,

Тифлисская филокерская партія съ 16-го по 28-е іюня осмотрѣла въ сел. Норію 76 виноградниковъ, общою площадью до 28 дес., изслѣдовавъ въ нихъ корни свыше 18,500 лозъ, и сел. Марткоби 261 виноградникъ, общою площадью 87 дес., изслѣдовавъ корни у 46,700 лозъ, причемъ никакихъ признаковъ филоксеры обнаружено не было. Одновременно съ этими работами партія продолжала демонстративное лѣченіе лозъ отъ болѣзней милдіи и оидіума въ Кривисахъ, въ сел. Патардзули и въ г. Елисаветполѣ.

Бакинско-дагестанская филокерская партія съ 15-го іюня по 1-е іюля осмотрѣла въ филокерскомъ отношеніи въ г. Петровскѣ и его окрестностяхъ 21 садъ, подвергнувъ изслѣдованію корни свыше 9,000 лозъ, въ сел. Тарки 6 садовъ, въ г. Темиръ-Ханъ-Шуръ 4 сада и въ сел. Кумтеръ-Кале 23 сада, общою площадью въ 14 дес. Въ общемъ партія изслѣдовала корни свыше 12,500 лозъ, не обнаруживъ нигдѣ филокерского зараженія.

Демонстративное лѣченіе виноградниковъ отъ грибныхъ болѣзней партія производила въ гг. Петровскѣ и въ Дербентѣ.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Государственный совѣтъ одобрилъ предложеніе министра финансовъ о порядкѣ, который долженъ быть соблюденъ при передачѣ въ казенное управленіе желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ частнымъ обществамъ, признаннымъ несостоятельными должниками, а также при ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Желѣзнодорожный сѣздъ приступилъ къ рассмотрѣнію вопроса о повсемѣстномъ введеніи товарныхъ поездовъ средней скорости 20 верстъ въ часъ, съ повышеннымъ противъ обыкновеннаго тарифомъ.

Въ Одессѣ, какъ сообщаютъ «Одес. вѣд.», за послѣдніе дни мѣстные экспортеры заезжали ордеромъ на покупку ржи для Германіи. Для отправки въ Вестралию надлежитъ закупленію ржи по небывалому цѣнѣ—1 р. 3 к. за пудъ. Рожь, такимъ образомъ, достигла стоимости хорошей пшеницы—и цѣнится дороже обыкновенныхъ сортовъ пшеницы. Къ сожалѣнію, запасъ ея совершенно истощился и онъ не въ состояніи удовлетворить даже мѣстныхъ нуждъ. Интересно въ данномъ случаѣ то, что экспортъ ржи, хотя въ незначительномъ количествѣ, продолжается, несмотря на то, что мы сами нуждаемся въ этой ржи.

Въ послѣднемъ номерѣ (40) журнала «Diritto Croato», издающагося въ г. Поля, похвалы г. Ячича, на итальянскомъ языкѣ, помѣно стихотвореніе Лермонтова: «Разстался я, по твоей портретѣ я на груди моей пошу», въ итальянскомъ переводѣ г. Д. Чампоззи. Переводъ замѣчательно точенъ.

Сообщаемъ нѣкоторыя подробности о брошенномъ судакъ французскаго эскадры, бывшій 11-го іюля въ Кронштадтѣ. Самое близкое къ судакъ, по словамъ «Новаго Времени» — это четырехъ-башенный фрегатъ «Марсо», спущенный на воду въ 1884 году. Длинна его 330 футовъ, ширина 66 футовъ, углубленіе 26 футовъ и водоизмѣненіе въ полномъ грузу 10,580 тоннъ. Вооруженъ этотъ фре-

гатъ четырьмя пушками въ 34 сантиметра (13,83 дюйма); кромѣ того, онъ имѣетъ 18 орудій въ 14 сантиметровъ (5,45 дюйма) и 20 скорострѣльныхъ пушекъ. Скорость его хода—16 узловъ. Команды 600 человекъ. Далеко сълѣдуетъ дореволюціи четырехъ-башенный фрегатъ «Магеланъ», построенный въ 1869 году. Длина этого фрегата 282 фута, ширина 67 футовъ, углубленіе 26 футовъ и водоизмѣненіе 7,187 тоннъ. Вооруженіе его состоитъ изъ 4-хъ орудій въ 27 сантиметровъ, 4-хъ въ 24 сантиметра и 7 въ 14 сантиметровъ. Скорость хода 13 1/2 узловъ. Команды 670 человекъ. Третій брошеносей—двухъ-башенный фрегатъ «Furieux» построенъ въ 1883 г. Длина его 238 футовъ, ширина 58 футовъ, углубленіе 21 футъ и водоизмѣненіе 5,560 тоннъ. Вооруженіе его состоитъ изъ двухъ 34 сантиметровыхъ орудій, расположенныхъ въ башняхъ, четырехъ 10-сантиметровыхъ на верхнемъ палубѣ и 4 скорострѣльныхъ пушекъ. Скорость его хода—13 узловъ. Команды 248 человекъ.

Остановимся нѣсколько на стихотвореніи «Споръ». Оно было написано не то время, когда безпрерывная тяжелая война съ горцами, видимо, утомила русское общество, и въ немъ настала чаша охлажденія. Скитники, привакая за этой борьбой только лишь значеніе боевой школы для русскаго солдата, не безъ горечи указывали на то, что эта школа сдѣлала много хорошаго Россіи. Самъ поэтъ (въ стихотвор. «Валерикъ»), видимо, раздѣлялъ эти взгляды, съ точки зрѣнія менѣе практической, правда, но за то свѣтлой и возвышенной.

¹³⁾ Соч. т. II, стр. 346—347.

гать четырьмя пушками въ 34 сантиметра (13,83 дюйма); кромѣ того, онъ имѣетъ 18 орудій въ 14 сантиметровъ (5,45 дюйма) и 20 скорострѣльныхъ пушекъ. Скорость его хода—16 узловъ. Команды 600 человекъ. Далеко сълѣдуетъ дореволюціи четырехъ-башенный фрегатъ «Магеланъ», построенный въ 1869 году. Длина этого фрегата 282 фута, ширина 67 футовъ, углубленіе 26 футовъ и водоизмѣненіе 7,187 тоннъ. Вооруженіе его состоитъ изъ 4-хъ орудій въ 27 сантиметровъ, 4-хъ въ 24 сантиметра и 7 въ 14 сантиметровъ. Скорость хода 13 1/2 узловъ. Команды 670 человекъ. Третій брошеносей—двухъ-башенный фрегатъ «Furieux» построенъ въ 1883 г. Длина его 238 футовъ, ширина 58 футовъ, углубленіе 21 футъ и водоизмѣненіе 5,560 тоннъ. Вооруженіе его состоитъ изъ двухъ 34 сантиметровыхъ орудій, расположенныхъ въ башняхъ, четырехъ 10-сантиметровыхъ на верхнемъ палубѣ и 4 скорострѣльныхъ пушекъ. Скорость его хода—13 узловъ. Команды 248 человекъ.

На родинѣ Лермонтова.

Завтра, 15-го іюля, исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ въ Москвѣ получена была съ Кавказа, изъ Пятигорска, лаконическая вѣсть: «Сегодня, около пяти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это время между горами Машукъ и Бештау скончался лѣжившійся въ Пятигорскѣ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ». Какъ известно, прахъ Лермонтова, чрезъ четыре мѣсяца послѣ погребенія въ Пятигорскѣ, былъ перевезенъ въ ноябрѣ 1841 года въ с. Тарханы, Чебарсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Нѣкто Н. Прозинъ печатаетъ въ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» свои воспоминанія о пощеніи родины и могилы Лермонтова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я,—пишетъ г. Прозинъ,—бывши въ селѣ Тарханахъ, засталъ еще въ живыхъ стараго слугу Лермонтова, который жилъ въ маленькомъ флигелѣ, на дворѣ барскаго дома Е. А. Арсеневой, превращеннаго въ квартиру управляющаго имѣніемъ гг. Столыпинныхъ. Старикъ былъ уже и тогда очень дряхлый и, кромѣ того, одержимъ воодушевленіемъ его, что онъ, почти не владѣвшій языкомъ, вслѣдствіе паралича, всякій разъ при разспросахъ о Лермонтовѣ торопливо снималъ со стѣнки его портреты, писанный масляными красками, показывая его и, водя по немъ пальцами, плакалъ, невнятно бормоча при этомъ что-то губами. Я засталъ еще въ то время въ Тарханахъ пѣльмъ тотъ мезонинъ на домѣ, гдѣ жилъ Лермонтовъ и гдѣ онъ нѣредко писалъ. Тогда было здѣсь цѣло еще кресло, въ которомъ сидѣлъ Михаилъ Юрьевичъ съ перомъ въ рукахъ, тутъ-же, помнится, находился его альбомъ.

Я могъ видѣть весь домъ, гдѣ жила бабушка поэта. Прямо изъ гостинной, олеенной старинными темно-голубого цвѣта обоями съ золотыми звѣздочками, съ неяснаго балкона мы спустились въ садъ. Длинная, густая, тѣнистая аллея изъ столѣтнихъ розъ вела куда-то далеко внизъ. Мы медленно шли по ней, упинаясь ароматомъ цвѣтовъ, и пришли къ небольшому пруду находящемуся въ самомъ концѣ ея. Прудъ, заросшій кругомъ густою зеленью, дремалъ предъ нами какъ бабушка поэта.

Прямо изъ гостинной, олеенной старинными темно-голубого цвѣта обоями съ золотыми звѣздочками, съ неяснаго балкона мы спустились въ садъ. Длинная, густая, тѣнистая аллея изъ столѣтнихъ розъ вела куда-то далеко внизъ. Мы медленно шли по ней, упинаясь ароматомъ цвѣтовъ, и пришли къ небольшому пруду находящемуся въ самомъ концѣ ея. Прудъ, заросшій кругомъ густою зеленью, дремалъ предъ нами какъ бабушка поэта.

Тѣмъ не менѣе, онъ гениальнымъ поэтическимъ чутьемъ предугадать культурныя послѣдствія такой борьбы для Кавказа, а, сѣдовѣательно, оправдать необходимость тяжелыхъ жертвъ для Россіи, когда написалъ свое превосходное стихотвореніе «Споръ». Надежды Лермонтова блестяще оправдались въ наше время, и не только въ отношеніи Кавказа, но и другихъ сопредѣльныхъ съ нимъ восточныхъ окраинъ Россіи. А что сильная духомъ часть русскаго общества не только миралась съ этими жертвами, но и видала ихъ себѣ въ долгъ и честь, Лермонтовъ сумѣлъ доказать это тѣмъ, что выдвинулъ на первый планъ такихъ дѣятелей въ сферѣ высшей, какъ Ермоловъ («Споръ»), и низшей средѣ—такихъ, какъ Максимъ Максимычъ («Герой нашего времени») и казачка («Казачья колыбельная пѣсня»). Дѣйствительно, чувство долга у храбраго стараго кавказскаго офицера до того срослось съ нимъ, что онъ и не вымѣняетъ его себѣ въ достоинство: это просто органическій элементъ его духовной природы, въ основѣ своей, какъ-то блестяще доказалъ Бѣлинскій, нѣжной и гуманной. Такова и казачка, у которой патриотизмъ беретъ верхъ надъ чувствомъ самой гордости, безпрѣдѣльной материнской любви. Вы чувствуете, что для такихъ скромныхъ, смиренныхъ сердцемъ героевъ-богатырей нѣтъ въ сущности жертвъ въ отношеніи къ родинѣ, ибо великое изреченіе «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» срослось съ ихъ нравственнымъ бытіемъ.

Вотъ все, чѣмъ обезпечивался успѣхъ и ростъ незабвеннаго поминаемаго поэта въ будущемъ. Это все, хотя и малое въ количественномъ отношеніи, но высокое въ качественномъ, настолько высокое, что вполне обезпечивало за Лермонтовымъ право безмернаго въ памяти русскаго народа и поставило его въ рядъ величайшихъ поэтовъ земли русскаго. Что же касается внѣшней стороны творчества М. Ю. Лермонтова, то и въ этомъ отношеніи заслуга послѣдняго неоспорима. Правда, Лермонтовъ не успѣлъ создать ничего новаго въ области поэтическихъ формъ, но его стиль, музыка рѣчи и лиризмъ — поразительны. По стилю онъ вполне достойный ученикъ Пушкина, а музыка рѣчи, тѣмъ свойствомъ ея, которое онъ такъ превосходно обрисовалъ въ сти-

въ волшебной сказкѣ. Тишина вокругъ—ни вѣтерка... Неподвижно стоитъ вода; близъ берега плаваютъ старая, пожелѣвшая отъ времени, доска... А вѣдь, когда-то здѣсь кипѣла жизнь, и не разъ, конечно, заходяща сюда и Лермонтовъ, чтобы въ тѣни отдохнуть отъ дневного жара! И все это давно прошло, все это кануло въ вѣчность!

Отсюда, я помню, мы отправились къ часовнѣ, гдѣ покоится прахъ Лермонтова. Это на порядочномъ разстояніи отсюда. Небольшая каменная часовня, покрашенная снаружи желтоватаго цвѣта краской; кусты сирени вокругъ. Двери отворены; предъ большимъ образомъ Воскресенія Христова горитъ лампада. Тутъ-же небольшой мраморный памятникъ, на которомъ написано золотыми буквами на одной сторонѣ: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ», а на другой: «Родился 3-го октября 1814 года, скончался 15-го іюля 1841 года».

СМѢСЬ.

(Изъ разныхъ газетъ).

Дирекція придворныхъ театровъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Байрейтѣ и Мюнхенѣ запретила артистамъ выходить на вызовы публики и раскланиваться. Такое-же распоряженіе надлежитъ сдѣлано и для королевскихъ театровъ въ Берлинѣ. Въ оперныхъ спектакляхъ, кромѣ того, запрещены всякія повторенія. Клеркуту эти распоряженія, безъ сомнѣнія, вносятся смертельный ударъ.

На дняхъ въ Рейнсбахѣ, въ Силезіи, происходилъ конгрессъ тоаистовъ, причемъ оказалось, что шестьдесятъ присутствовавшихъ тоаистовъ вѣсятъ болѣе ста килограммъ. Одинъ тоаистъ, вѣсомъ въ сто сорокъ три килограмма, получалъ премію въ видѣ откровеннаго свина. Были розданы и другія преміи, по жребію, въ видѣ живыхъ приисковъ; между прочимъ, одному тоаисту досталась громадная колбаса длиною въ два метра.

У одного изъ берлинскихъ врачей въ настоящее время лѣчатъ весьма интересныя пациенты. Это пѣлѣнты, отличающіяся корродющею и хриплымъ вообще состояніемъ здоровья, интересъ въ томъ отношеніи, что лѣвая половина его тѣла кажется совершенно лишеною кровяной, правая-же, наоборотъ, перенасыщена кровью и при усиленныхъ движеніяхъ страшно покрываетъ. Когда на кожѣ почти лишенной крови половины тѣла писали слова какими-нибудь твердыми предметомъ, то эти слова ясно обозначались красноватымъ цвѣтомъ и оставались видимыми въ продолженіе 1—1 1/2, минуты. Это болѣзненное явленіе есть слѣдствіе сильнаго нервного расстройства. Нужно еще замѣтить, что болѣзнь лѣвой половины тѣла совершенно неустранима въ уломахъ булавкой.

Принцъ Альбертъ Валдекъ-Пирмонтскій, братъ прусскаго принца, объявляетъ несостоятельнымъ должникомъ. По соглашенію, состоявшемуся между принцемъ и его кредиторами, послѣдніе получаютъ по двадцати пяти процентовъ въ удовлетвореніе ихъ претензій.

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ПЕРВАЯ ЧАСТНАЯ ЛѢЧЕБНИЦА

В. А. НАВАСАРДІАНА.

(Кури, противъ памятника Воронцову).

Пріемъ больныхъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней.

По утрамъ:

Навасардіанъ—отъ 10—11 ч., по хирургическимъ (и зубнымъ), венерическимъ (и сифилису) и глазнымъ болѣзнямъ.

Рудископъ—отъ 10—11 ч., по внутреннимъ тѣлеснымъ и женскимъ б.

хотвореніи «Есть рѣчи—значеніе темно или ничтожно», и лиризмомъ едва-ли не превзошелъ великаго Пушкина. Какъ, скажутъ намъ, не Лермонтовъ-ли первый далъ намъ образчикъ психологическаго романа¹⁷⁾; не онъ-ли создалъ «железныя» стихи, облитыя горечью и злостью; не онъ-ли, наконецъ, подарилъ намъ впервые стихъ въ духѣ склада и напѣва былинъ? Все это такъ, но принято можетъ быть лишь съ ограниченіями. Такъ, «психологическій пошибъ» (выраженіе проф. Стороженна) творчества Лермонтова далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи Пушкину, и если взять за образецъ такого «пошиба» ром. «Герой нашего времени» и сравнить его съ «Онегинимъ» Пушкина, то, право, психологическіе романы Пушкина гораздо больше, нежели въ романѣ Лермонтова. Анализъ Пушкина болѣе скрытый и тонкій, по сравнению съ анализомъ Лермонтова, а правдивость и глубина своей далеко превосходить его, чѣмъ и объясняется, почему размышленія Печорина, слишкомъ открытыя и субъективныя по отношенію къ Лермонтову, такъ рѣзко бросаются въ глаза читателю, тогда какъ лирическія отступленія въ романѣ «Евгеній Онегинъ» остаются въ тѣни, а въ нихъ-то Пушкинъ главнымъ образомъ анализируетъ и жизнь свою и чувства—другими словами, дѣлаетъ то же, что и Лермонтовъ, не навязывая личныхъ мыслей своему герою, какъ то дѣлаетъ Лермонтовъ. Вообще это вопросъ спорный и ограничиваться простымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ, конечно, нельзя, что, въ сущности, дѣлаетъ почтенный профессоръ. Несомнѣнно и весьма важно одно только — что Лермонтовъ продолжалъ съ блестящимъ успѣхомъ работу Пушкина въ этомъ направленіи, и лучшіе русскіе критики, каковы Бѣлинскій и Добролюбовъ, близки Онегину съ Печоринимъ, вполне основательно сдѣлали угаданіе на послѣднемъ, какъ типъ преемственнаго и высоко-художественнаго. Не согласны мы также и съ тѣмъ почти холмичъ утвержденіемъ, будто Лермонтовъ создалъ «железныя» стихи, облитыя горечью и злостью. Это энергическое выраженіе берется у Лермонтова тогда, когда указываетъ на такіа произведенія, какъ «Дума», «Первое января», «Послѣднее новоселье» и друг. (число словъ ограничено). Напротивъ, стихъ Лер-

монтовъ—отъ 12—12 1/2 ч., по акушерству и женскимъ б.

Нарвалъ—отъ 12 1/2—1 ч., по внутр. и ж.

По вечерамъ:

Путиновъ—отъ 6—7 час., по дѣтскимъ, внутреннимъ и нервнымъ болѣзнямъ (электротерапія).

Навасардіанъ—отъ 6—7 час.

Плата за совѣтъ 20 к.; консуляція по соглашенію.

Директоръ лѣчебн. х-ръ мед. Навасардіанъ.

1054 (3) 1.

КАЗЕННЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Тифлисскаго военнаго госпиталя вызываетъ желающихъ поставять въ оный лѣдъ ежедневно до пяти пудовъ, приблизительно до 1-го января 1892 года. Лѣдъ долженъ быть рѣчной, чистый, или-же искусственный. Рѣшительный торгъ на эту операцію, извѣстно и посредствомъ запечатанныхъ объявленій, будетъ произведенъ въ комитетѣ этого госпиталя 19-го сего іюля, въ 11 часовъ утра. Залогъ отъ торгующихся требуется 50 руб.

1054 (3) 1.

Окружное инженерное управленіе кавказскаго военнаго округа вызываетъ желающихъ принять въ оптовый подряда поставку для частей войскъ и военныхъ управленій, расположенныхъ въ ст. Горячеводской, 33 саж. дровъ трехполѣнной мѣры въ 1892 году.

Торгъ будетъ произведенъ извѣстный, безъ переторжки, съ допущеніемъ подати и запечатанныхъ объявленій, при управленіи терской инженерной дистанціи, въ гор. Владикавказѣ, съ 24-го числа сего іюля.

Полноты условія поставки опубликованы въ особахъ прибавленіяхъ къ №№ 131, 132 и 133 газеты «Кавказъ» за 1891 годъ, каковыя и можно разсматривать ежедневно, до 2-хъ часовъ дня, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ въ окружномъ инженерномъ управленіи, такъ и въ управленіи названной дистанціи.

1034 (3) 3.

Бакинская казенная палата симъ объявляетъ, что вдовому надворнаго советника Анноу Авраамову заявленъ утерянныи расчетный листъ за № 960, выданный

Редактор-издатель М. М. ФЕДЕНКОВСКИЙ.